

Сталин в годы войны

Ю. В. Рубцов*

И. В. Сталин родился 9 (21) декабря 1879 г. в г. Гори, Грузия.

Профессиональный революционер. Участник революции 1905–1907 гг. в Закавказье. Член Русского бюро ЦК РСДРП, сотрудник газет «Звезда» и «Правда». Участник Великой Октябрьской социалистической революции.

Член ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС с 1917 г., член Политбюро, Президиума ЦК в 1919–1953 гг. В 1917–1922 гг. — нарком по делам национальностей, с 1919 г. одновременно нарком государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции. Во время гражданской войны 1918–1922 гг. — член Совета рабочей и крестьянской обороны, член Реввоенсовета РСФСР, РВС Южного, Западного, Юго-Западного фронтов.

С апреля 1922 г. — генеральный секретарь ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, с мая 1941 г. — председатель Совета Народных Комиссаров (с марта 1946 г. — Совет Министров) СССР.

В годы Великой Отечественной войны: председатель Государственного комитета обороны (30 июня 1941 г. — 4 сентября 1945 г.), председатель Ставки Верховного Главного Командования (8 августа 1941 г. — сентябрь 1945 г.), Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР (8 августа 1941 г. — сентябрь 1945 г.), нарком обороны СССР с 19 июля 1941 г. по февраль 1946 г., в феврале–марте 1946 г. — нарком Вооруженных Сил СССР, с марта 1946 г. по март 1947 г. — министр Вооруженных Сил СССР. Один из организаторов антигитлеровской коалиции.

Воинское звание маршал Советского Союза присвоено 6 марта 1943 г., Генералиссимус Советского Союза 27 июня 1945 г. Герой Советского Союза (27 июня 1945 г.), Герой Социалистического Труда (20 декабря 1939 г.). Награжден двумя орденами «Победа», тремя орденами Ленина, орденом Суворова 1-й степени, тремя орденами Красного Знамени.

Умер 5 марта 1953 г. Похоронен в г. Москве на Красной площади.

«Гениальный полководец Великой Отечественной войны» — так маршал К. Е. Ворошилов в 1949 г. назвал свою статью, написанную к 70-летию И. В. Сталина. В те годы не нашлось бы, наверное, человека, который взялся публично оспаривать это утверждение. Бывшее аксиомой, подкрепленное тем фактом, что Сталин — единственный, кто обладал званием Генералиссимус Советского Союза, оно, однако, после его смерти

и XX съезда КПСС, развенчавшего «культ личности», стало предметом острых споров.

Не стихают они и сегодня. Многие люди, в первую очередь карьерные военные, не признают, что военный гений, как утверждалось в былые годы, мог проявиться у того, кто не обладал профессиональным образованием, не служил в армии и стал маршалом Советского Союза, не имея до того ни единого воинского звания.

* **Юрий Викторович Рубцов** — доктор исторических наук, профессор (Военный университет Министерства обороны РФ).

Сталин, в самом деле, не был кадровым военным, хотя маршальские погоны носил с удовольствием, любил, когда об этом вспоминали, особенно в сравнении с лидерами стран-союзниц (наша печать так и писала: «маршал Сталин, президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль»).

В биографии вождя много неясных страниц, начиная с даты его рождения. Официально фигурировало 9 (21) декабря 1879 года. Но, если судить по метрической книге Успенского собора г. Гори, Иосиф Джугашвили появился на свет на год раньше — 6 (18) декабря 1878 года¹.

Он закончил духовное училище, но сану священника предпочел судьбу профессионального революционера, большевика. Еще накануне Октябрьского вооруженного переворота 1917 года вошел в состав руководящего органа РКП(б) — ее Центрального комитета, а затем довольно быстро стал одной из ключевых фигур в большевистском руководстве. В 1917–1922 гг. Сталин — нарком по делам национальностей, с 1919 года одновременно нарком государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции. С апреля 1922 года — генеральный секретарь ЦК партии. Более 30 лет — с 1919 по 1953 год он был членом Политбюро, Президиума ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС.

Его участие в гражданской войне носило специфический характер: будучи членом РВС республики и нескольких фронтов (Южного, Западного, Юго-Западного), а также руководителем продовольственного дела юга России, он выполнял в основном политико-административные функции, к управлению войсками отношения не имевшие. Хотя, надо сказать, Сталин нередко вмешивался в оперативную деятельность военного командования.

Позднее, установив режим единоличной власти, он сконцентрировал в своих руках и нити военного управления. Под его руководством, используя достижения бурно развивающейся в СССР индустрии, был значительно поднят уровень технического оснащения Вооруженных Сил. «В середине 30-х годов Красная Армия как с точки зрения организационной, так и количественной, бесспорно, была сильнейшей в мире, — считает военный историк В. А. Анфилов. — В ней насчитывалось около 1,5 млн солдат и офицеров, до 5 тыс. танков и свыше 6 тыс. самолетов. Сейчас смешными кажутся слова широко известной тогда песни: „В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну

сокрушила...“, но они отражали действительное положение Советского Союза в то время»².

И вот этот мощный, всесокрушающий «бронепоезд» Сталин и его окружение, в первую очередь нарком внутренних дел Н. И. Ежов, нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис, сами пустили под откос, развязав в Вооруженных Силах в 1937–1938 гг. широкомасштабные репрессии.

Что побудило вождя обрушить невиданный в истории удар по командному и политическому составу собственной армии да еще в предвидении войны? Если коротко, то — опасения, что крупные военачальники, все более определявшие лицо армии — М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, и их более молодые последователи откажут ему в поддержке в условиях крайнего обострения внутривойсковой обстановки. Сталин опасался именно их — широко образованных, самостоятельно мыслящих.

Решимость вождя подпитывало острое соперничество в армейской верхушке между интеллектуальной элитой Вооруженных Сил и малообразованным окружением Ворошилова. Лагерь «кавалеристов» когда спокойно, а когда и злорадно-заинтересованно следил, как выкашивался слой «шибко умных», пока по своим внутренним законам водоворот репрессий не стал затягивать и их самих.

Документально установлено, что Сталин ежедневно получал протоколы допросов арестованных, часто вызывал наркома внутренних дел Ежова и его заместителя М. П. Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения, для доклада. Так что популярные у сталинистов версии, будто генеральный секретарь ничего о репрессиях не знал и потому не имел возможности во что-либо вмешаться, не имеют под собой ни малейшей почвы. Все шло по заранее намеченной колее при соблюдении бюрократических процедур, что придавало происходящему особенный цинизм. Например, через два дня после ареста Тухачевского Политбюро по указанию Сталина поставило на голосование членов ЦК предложение об исключении Михаила Николаевича из партии и «передаче» его дела в Наркомвнудел, будто маршал в это время находился не в ежовских застенках, а где-нибудь на курорте.

Как ни покажется странным, но советский лидер пытался повернуть в свою пользу общественное мнение на Западе, убедить в безусловной

вине Тухачевского и его товарищей по несчастью. Британская газета «Ньюс хроникл» писала, что Сталин был очень оскорблен сравнениями московских приговоров с гитлеровскими казнями в 1934 году. По его мнению, в Германии расправы совершались без суда и без каких-либо разъяснений властей на этот счет, а в Москве все было сделано в соответствии с правосудием.

К слову, острое недоверие к высшим военным, которое родилось у вождя в этот период, долго довлело над ним, накладывая негативный отпечаток на взаимоотношения с военачальниками и в ходе Великой Отечественной войны.

Сталин, конечно, не был полководцем в изначальном смысле этого слова. Правильнее называть его военачальником, высшим военным деятелем и оценивать его вклад в победу над фашистской Германией с учетом именно этого обстоятельства. В годы войны он занимал шесть высших постов в государстве — генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета Народных Комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны, председателя Ставки ВГК, Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами, наркома обороны СССР. Учитывая менталитет советского народа и крайнюю степень централизации государственной власти, принятие им на себя важнейших государственных обязанностей положительно сказалось на отражении фашистской агрессии.

Как политический руководитель он, бесспорно, имел немало достоинств. А. М. Василевский, чаще других полководцев встречавшийся с И. В. Сталиным, считал его, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования»³. Маршал отмечал в Верховном Главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом выражали солидарность многие государственные и военные деятели.

Верховный хорошо представлял себе обстановку на фронтах, твердо помнил состав и дислокацию резервов. Благодаря феноменальной памяти он знал не только командующих войсками фронтов и армий, но и многих командиров соединений. На равных обсуждал профессиональные проблемы с военачальниками и дипломатами, руководителями оборонных отраслей и генеральными конструкторами. Журнал

посещений его кремлевского кабинета пестрит фамилиями А. М. Василевского, Г. К. Жукова, А. И. Антонова, Н. Н. Воронова, А. В. Хрулева, А. А. Новикова, А. С. Яковлева, А. Н. Туполева, десятков других лиц.

Окружающие обращали внимание на умение вождя быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Во время визита в Москву в августе 1942 года У. Черчилль продемонстрировал ему план «Торч» по высадке союзников в Северной Африке. И не мог сдержать удивления, насколько «русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей, — вспоминал британский премьер, — могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»⁴.

Но вот выполнение Сталиным функций Верховного Главнокомандующего было весьма противоречивым. На его деятельности особенно в первые годы войны отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и гипертрофированная вера в собственную непогрешимость.

Крупнейшим недостатком в подготовке к войне стало отсутствие к ее началу готовой системы стратегического управления Вооруженными Силами. В спешке, испытав несколько реорганизаций, были сформированы Государственный комитет обороны и Ставка Верховного Главного Командования, не сразу определилась кандидатура Верховного Главнокомандующего. Права и обязанности высших должностных лиц государства и руководителей Наркомата обороны, Генштаба не были четко регламентированы. Гражданские лица, вроде В. М. Молотова, опираясь на свое положение в государственной иерархии, считали нормальным вмешиваться в оперативное управление войсками.

Со своей стороны, Сталин по привычке к самовластию не придерживался никакой субординации и не считался с давно отработанной в военной среде системой выработки и исполнения приказов и директив. Многие решения принимались им единолично и из-за слабой оперативно-стратегической подготовки были весьма неудачными.

Таковой оказалась уже первая директива военным советам фронтов от 22 июня 1941 года, требовавшая вопреки реально складывавшейся обстановке нанести контрудары по вторгшемуся на советскую землю противнику. В условиях потери управляемости, значительном превосходстве противника наши войска не могли подготовить такие контрудары и терпели крупные поражения, неся огромные потери. Подобные примеры можно множить и множить.

Некоторые решения Сталина, вспоминал адмирал Н. Г. Кузнецов, просто озадачивали. Так, выслушав доклад о необходимости установки на кораблях мощного зенитного вооружения, вождь заявил, что «воевать будем не у берегов Америки», и отверг предложения наркома ВМФ. «Зная», — писал Николай Герасимович, — «что от самолетов можно потонуть и в 1000 км от своих берегов, и в каких-нибудь 50 км, и в базах, я не мог признать правильными рассуждения „великого вождя“. К сожалению, по нашим вопросам подобных примеров было много»⁵.

Намечая, например, высадку десанта в Керчи, Верховный не посчитал необходимым предварительно обсудить план операции с флотским руководством, определить потребность в материальных средствах, наметить реальные сроки готовности. Такого рода действия адмирал объяснял пренебрежением Сталина к мнению профессионалов при его собственной явно недостаточной компетенции.

Заслуживают внимания и более широкие обобщения Н. Г. Кузнецова относительно организации руководства наркоматами, а точнее — отсутствия четкой системы в такой организации. «Мне всегда казалось, — писал адмирал, — что у Сталина не было системы в деле руководства, что помогало бы ему все охватывать и как бы равномерно следить за всем». Поэтому, замечал бывший нарком ВМФ, руководство шло в основном «распорядительным порядком», из кабинета вождя, принимаемые решения диктовались не заранее продуманной долгосрочной программой, а в основном складывающейся в тот или иной момент обстановкой. Так было в финскую войну, так руководство осуществлялось и в первый период Великой Отечественной войны.

Критически оценивая вождя, Н. Г. Кузнецов в то же время сохранял неизменно присущую ему объективность. Словно отвечая на нападки бывших сталинских сподвижников, готовых после марта 1953 года повесить на бывшего кумира всех «собак», он писал: «Слишком просто

и легко объяснить все лишь культом личности Сталина. Многие из нас повинны, хотя бы в том, что молчали там, где положение требовало высказать свое мнение. За такую пассивность многие расплачивались сами, когда доходила до них очередь»⁶.

Вождь нередко превращал политику в самоцель и не всегда учитывал при этом военно-стратегические соображения. Скажем, в 1942 году по следам успешной Московской битвы он, вопреки точке зрения Г. К. Жукова и мнению Генерального штаба, настоял на плане стратегического наступления на всем протяжении советско-германского фронта, хотя сил и средств у Красной Армии для этого не было. Подобный авантюризм обернулся тяжелыми поражениями в районе Любани, в Крыму и под Харьковом и утратой завоеванной было стратегической инициативы.

По поводу способностей вождя к стратегическому руководству войсками существует немало точек зрения, в том числе и противоречащих друг другу. Кое-кто из считающих себя серьезными историками недалеко ушел от Ворошилова с его признанием за Сталиным военного гения. Как представляется, компетентнее и объективнее других высказался на этот счет маршал Г. К. Жуков, причем не в мемуарах, которые подверглись изрядной «переработке» в идеологических инстанциях, а в своей речи на пленуме ЦК КПСС в 1956 году, свободной от мертвящего давления сталинского культа. И хотя речь так и осталась произнесенной, от этого ее содержательность ничуть не умаляется.

«...С первых минут возникновения войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях,» — считал Жуков. — «...У нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах... Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия»⁷.

На второй день войны, вспоминал Георгий Константинович, вождь направил в помощь командованию воюющими фронтами все руководство Генерального штаба, включая его

начальника. На резонное предупреждение, что подобная практика лишь приведет к дезорганизации управления войсками, Сталин отрезал: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». В результате он, «не зная в деталях положение на фронтах, и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить».

На недооценку Сталиным значения и места Генштаба в первый период войны обращал внимание и маршал А. М. Василевский. Генеральный штаб представлял собой исключительно важное звено стратегического руководства, оперативный орган Верховного Главнокомандования, ни одна прежняя война не предъявляла к нему столь высоких требований. А главковерх подчас использовал его лишь в качестве простого технического передатчика в войска уже принятых им решений. Деликатно выраженный, но вполне ощутимый упрек слышен в словах Василевского: активное использование Оперативного управления, как и других структур Генштаба, «принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное Главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны»⁸.

По свидетельству маршала Г. К. Жукова, Сталин только через полтора года войны начал более или менее разбираться в тактических и оперативно-стратегических вопросах. Эту точку зрения разделял и маршал А. М. Василевский: «Завершился процесс роста И. В. Сталина как военачальника после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин стал мыслить категориями современной войны».

То есть профессиональная учеба Верховного Главнокомандующего продолжалась около двух лет. Невольно задумаешься, какую цену людских и материальных потерь пришлось за нее заплатить армии и народу.

Видели ли окружающие вождя военачальники его недостаточную компетентность в военных делах? Не могли не видеть, но, естественно, не смели говорить об этом вслух. Своими действиями они пытались максимально скорректировать указания Сталина, тактично научить его. Наибольшее влияние на его становление как Верховного Главнокомандующего оказали маршалы Б. М. Шапошников, А. М. Василевский,

Г. К. Жуков и генерал армии А. И. Антонов. Рядом с ними, под их благотворным воздействием постигал Верховный тонкости оперативного искусства и стратегии.

В июле 1942 года с назначением первого заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина командующим Воронежским фронтом Генеральный штаб лишился постоянного квалифицированного руководства, поскольку его начальник Василевский все время находился в разъездах. Чтобы исправить положение, Александр Михайлович просил Сталина назначить начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта А. И. Антонова. Однако Верховный, все еще недооценивая значение и роль «мозга армии», долго не соглашался на это. Обстановку на фронтах в отсутствие Василевского ему докладывал замещавший начальника Генштаба... политработник Ф. Е. Боков, совершенно не подготовленный к такой ответственной миссии.

Даже дав в декабре 1942 года согласие на назначение Антонова начальником Оперативного управления, Верховный стал доверять ему далеко не сразу. Но мало-помалу вождя подкупили глубокое знание генералом фронтовой обстановки, его ярко выраженные аналитические способности, твердость в отстаивании своего мнения, точность выводов и конкретность предложений. 6 апреля 1943 года Антонов впервые подписал вместе с Верховным директиву Ставки. Потом до самого конца войны их две подписи чаще других стояли рядом под важнейшими документами. Алексей Иннокентьевич стал и самым частым посетителем кремлевского кабинета вождя, именно его доклады предпочитал теперь заслушивать Сталин.

До прихода Антонова Оперативное управление сильно лихорадило. Это было тем более недопустимым, что оно выступало по существу ядром Генерального штаба, его мозговым центром. Алексею Иннокентьевичу удалось утвердить в деятельности аппарата Генштаба как рабочего органа Ставки необходимую четкость и организованность. Он сумел сделать то, что многим представлялось немиссионерским: упорядочить деятельность самого Верховного Главнокомандующего. Были установлены точные сроки обработки поступающей с фронта информации, определено время докладов руководителей важнейших структур Генерального штаба и Наркомата обороны, касающихся

положения на фронтах, результатов разведки, вопросов тылового обеспечения, формирования резервов и т. п.

Вот один лишь факт такого рода. До Антонова докладывали Сталину об обстановке на фронтах строились во многом произвольно, а вопросы докладывались различными и далеко не самыми квалифицированными лицами вплоть до комиссара Генштаба. Алексей Иннокентьевич убедил Верховного в необходимости ввести эту работу в строго упорядоченное русло. Теперь обстановка докладывалась трижды в сутки: в течение дня, как правило, по телефону, а поздно вечером начальник Оперативного управления подводил итоги лично. Следя не по глобусу, как «вспоминал» Н. С. Хрущев, а строго по картам масштаба 1 : 200 000, подготовленным по каждому фронту с нанесенной обстановкой до дивизии, Сталин выслушивал подробные доклады о положении наших и вражеских войск, намерениях и действиях командующих. Помимо всего прочего, это была еще и превосходная школа высочайшей штабной культуры для Верховного. Не случайно Антонов — единственный из генералов — был удостоен высшего полководческого ордена «Победа».

Постепенно вождь, благодаря своему практическому уму, выработал подходящую линию поведения. Процесс планирования той или иной операции он начинал с отдачи самых общих указаний типа: «Надо не давать врагу передышки и гнать врага на запад». (Эти слова — не авторские фантазии, они прозвучали буквально на совещании в Ставке в январе 1942 года.). Вслед за тем Генштаб принимался за конкретную работу по разработке замысла и плана операции, порядка их реализации, вопросов взаимодействия, материально-технического обеспечения и т. п. К этому процессу подключались Жуков, Василевский, Антонов, командующие войсками фронтов и начальники штабов. Мышление талантливых военачальников питало конкретные решения вождя. При докладе подготовленных материалов Сталин, выслушав мнения всех, высказывал замечания по замыслу и деталям плана, срокам реализации, порядку руководства со стороны Ставки. Эти резюмирующие замечания давали основания представить его автором всей идеи. Такая линия поведения позволяла Иосифу Виссарионовичу наращивать репутацию полководца. В 1943 году она была подкреплена присвоением воинского звания маршал Советского Союза.

Максимальная централизация руководства в руках вождя имела не только плюсы, но

и существенные минусы. От его слова зависело решение любого сколько-нибудь серьезного вопроса на фронте и в тылу, что изрядно вредило делу, сковывало инициативу руководящих кадров. Некомпетентное вмешательство в стратегические и оперативные вопросы затрудняло проведение в жизнь наиболее целесообразных решений и способов действий. Тот же Жуков за излишнюю настойчивость и стратегическую инициативу, проявленную в разговоре со Сталиным, уже в июле 1941 года лишился поста начальника Генштаба.

Здесь невольно вспоминается меткое замечание конструктора оружейных систем С. П. Непобедимого. Комментируя сравнение немецких военачальников с Жуковым, сделанное некоторыми зарубежными историками и нелестное для маршала, наш известный оружейник спросил: «А попробовали бы его соперники повоевать под командованием Джугашвили!»

По мере накопления опыта войны ошибок и просчетов у Верховного стало заметно меньше. Сталин уже более взвешенно и здраво оценивал возможности Красной Армии и потенциал противника.

Примером сказанного может служить его реакция на просьбу главнокомандующего ВВС РККА А. А. Новикова перенести сроки начала контрнаступления под Сталинградом. Если раньше он, вероятнее всего, решил бы вопрос единолично, то теперь предпочел посоветоваться с подчиненным. В телеграмме, которую Верховный 12 ноября 1942 года направил Жукову, координировавшему подготовку к операции, говорилось: «Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации»⁹.

А в ходе подготовки Курской битвы Сталин, помня о неудачных попытках стратегического наступления в 1942 году, одобрил план, предусматривавший переход к преднамеренной обороне, хотя Советские Вооруженные Силы и обладали достаточным потенциалом для наступления. Обескровив врага в оборонительных боях, выбив его танки, Красная Армия перешла в контрнаступление и в короткий срок отбросила противника за Днепр.

Но окончательно избавиться от ошибок вождю было, как видно, не под силу. Сказывалось и то обстоятельство, что он судил об обстановке на фронте исключительно по докладам подчиненных. Сталин выезжал на фронт все-

го один раз и то ненадолго. Было это 3 августа 1943 года, накануне Смоленской наступательной операции Западного фронта. Поездка проводилась в атмосфере абсолютной тайны, так что даже начальник Генштаба А. М. Василевский не был поставлен о ней в известность. Специальным поездом Сталин приехал в Гжатск, а оттуда автомобильный кортеж прибыл в район Юхнова. Сюда и были вызваны представитель Ставки маршал артиллерии Н. Н. Воронов, командующий фронтом генерал армии В. Д. Соколовский и член военного совета Н. А. Булганин.

По воспоминаниям Воронова, «Сталин прежде всего поинтересовался, далеко ли от места их встречи находится командный пункт фронта. Затем приказал познакомить его с обстановкой. Соколовский стал, было, излагать замысел операции, но Сталин его перебил: „Деталими заниматься не будем, Западному фронту нужно к весне 1944 года (явная ошибка мемуариста. — Ю. Р.) подойти к Смоленску, одновременно накопить силы и взять город“. Эта фраза была повторена дважды, и на ней разговор был по существу закончен. Командующий попытался, было, пожаловаться на недостаток резервов и боевой техники, но в ответ услышал: „Все, что сможем, дадим, а не сможем — обходитесь тем, что имеете“¹⁰.

Еще одна поездка в действующую армию состоялась через два дня 5 августа, но ее и выездом на фронт не назовешь, поскольку маршрут пролегал в глубокий тыл Калининского фронта. В деревне Хорошево Сталин, доставленный сюда поездом, беседовал с командующим генералом А. И. Еременко о той же Смоленской операции.

Окончательно избавиться от ошибок в управлении войсками вождю мешало и чувство абсолютного превосходства над другими людьми, в том числе военными профессионалами. Отступившее было в пору поражений, оно под влиянием побед Красной Армии возобладало вновь. Именно об этом с горечью поведал Г. К. Жуков: «По замыслу Сталина... планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами. Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы (правым крылом 1-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. — Ю. Р.), в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по усло-

виям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как „незрелые“, и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами»¹¹. А ведь события, о которых вел речь полководец, имели место не в начале, а уже на заключительном этапе войны.

Свидетелем такой картины становился очень узкий круг посвященных лиц, народ же и армия под воздействием массивированной пропаганды видели в Верховном Главнокомандующем фигуру не только безгрешную, но и великую во всех отношениях. Культ личности Сталина в годы войны укрепился неимоверно.

Здесь уместно поговорить о его отношении к славе, к собственным наградам. Безусловно, «звездоманией», подобно его преемникам на посту лидера партии, он заражен не был, став обладателем званий Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда и нескольких орденов. Негусто, учитывая беспредельные возможности вождя в этом отношении.

В литературе встречаются упоминания о том, что Сталин, например, выразил острое недовольство фактом его повторного награждения орденом «Победа» и отказался от церемонии вручения. И действительно, хотя указ Президиума Верховного Совета СССР датирован 26 июня 1945 года, вождь получил орден, по сведениям наградного отдела Администрации Президента РФ, лишь 28 апреля 1950 года. В тот же день Н. М. Шверник вручил владельцу медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и два ордена Ленина, которых Сталин был удостоен ранее.

Но о скромности ли свидетельствуют эти факты? Слабо верится, учитывая ту отмеченную многими страсть, с какой Сталин стремился обрести репутацию великого полководца, равного которому не было в нашей стране, если не во всем мире. Он не случайно в 1944 году отказался от оправдавшей себя практики координации действий групп фронтов, а успешно осуществлявших эту функцию Жукова и Василевского поставил во главе конкретных фронтов. Война шла к победному завершению и Верховный явно не собирался делить славу с кем-либо из подчиненных.

О том же, на наш взгляд, свидетельствует и учреждение специально для него воинского звания Генералиссимус Советского Союза, звания, исключительно редкого в любой армии¹². К слову, произошло это 26 июня 1945 года, то есть в тот же день, когда вышел указ о награждении вождя вторым орденом «Победа», вызвавший

столь острое его недовольство. Но от звания Генералиссимус, в отличие от ордена, который как бы уравнивал его с другими маршалами, Сталин и не подумал отказываться, ибо оно, наоборот, зримо отделяло его от всех остальных.

Особый разговор — об отношении Верховного к маршальско-генеральскому корпусу, то есть к тем людям, без которых мало чего стоила бы и его собственная репутация. Многие маршалы и генералы обязаны своим служебным ростом сталинскому вниманию. Но горе было тем, кто в силу разных, в том числе и не зависящих от них самих, причин не оправдал доверия вождя. Войну он начал с расправы над большой группой военачальников, даже не успевших вступить в противоборство с фашистами, — генералами Г. М. Штерном, А. Д. Локтионовым, Я. В. Смушкевичем, П. В. Рычаговым, И. И. Прокуровым, с расстрела командного состава Западного фронта — генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. А. Коробкова, А. Т. Григорьева, Н. А. Клича¹³, с объявления генералов, погибших в бою и попавших в плен — В. И. Качалова, П. Г. Понеделина, Н. К. Кириллова, М. И. Потапова, предателями¹⁴. Немало вышших командиров несправедливо пострадало от сталинского гнева и в ходе войны. А победу над Германией Сталин и вовсе «отметил» заключением в тюрьму главного маршала авиации А. А. Новикова, маршала авиации Г. А. Ворожейкина, маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, генералов А. И. Шахурина, К. Ф. Телегина, судом над адмиралами Н. Г. Кузнецовым, Л. М. Галлером, В. А. Алафузовым, Г. А. Степановым, опалой маршала Г. К. Жукова¹⁵.

Считая себя вправе произвольно решать, как распорядиться судьбой того или иного военачальника, вождь лишь перед единицами из них испытывал нечто похожее на чувство вины за нанесенные в прошлом обиды. Так, согласившись на арест К. А. Мерецкова, позднее, по его освобождению относился к нему с подчеркнутой симпатией, словно пытался загладить свою вину.

По этому поводу адмирал Н. Г. Кузнецов высказывался следующим образом: «Отношение

к людям у него было, как к шахматным фигурам и преимущественно пешкам. Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен, и репрессия, пронесшаяся над человеком по его же приказу, не служила препятствием для полного доверия к нему в последующем»¹⁶.

Сталинскую поддержку ощущали те выдвиженцы, кто смог оправдать доверие, — К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Д. Черняховский, П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистров, К. С. Москаленко, другие талантливые военачальники. «На протяжении войны я неизменно чувствовал его внимание, сказал бы, даже чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные», — говорил в беседе с журналистом В. М. Песковым маршал А. М. Василевский.

В то же время, как вспоминал маршал Г. К. Жуков, «чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами — командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их „лбами“, сея рознь, зависть и подталкивая к славе на нездоровой основе»¹⁷. Не отрицал правоты такого наблюдения и маршал И. С. Конев, что подтвердила, в частности, Берлинская операция.

В Сталине причудливо совмещались, казалось бы, диаметрально противоположные черты: всемерное радение о величии Советского Союза — и самонадеянность, поставившая страну на грань национальной катастрофы; внимание к кадрам — и редкая жестокость к людям-«винтикам»; стратегический ум — и мелкое тщеславие, стремление к еще одному пышному титулу вроде «величайшего полководца всех времен и народов». Об этой двойственной природе сталинской природы, к глубокому сожалению, забывают те, кто и сегодня уверяет соотечественников, будто без вождя-диктатора наш народ был обречен на поражение в Великой Отечественной войне. Однако своим личным триумфом он обязан народу, по крайней мере, ничуть не меньше, чем народ ему.

¹ См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 83.

² Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 25.

³ Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1988. С. 227.

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 515.

⁵ Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М., 1995. С. 33.

⁶ Кузнецов Н. Г. Крутые повороты. С. 37, 45, 56: он же: Накануне. М., 1969. С. 224.

- ⁷ «Чего стоят полководческие качества Сталина». Непроизнесенная речь маршала Г.К. Жукова. // Источник, 1995. №2. С. 147–148.
- ⁸ Василевский А.М. Указ. соч. С. 220.
- ⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 тт. М., 1990. Т. 2. С. 332.
- ¹⁰ Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1962. С. 385.
- ¹¹ «Чего стоят полководческие качества Сталина». С. 152–153.
- ¹² См.: Родина, 2005, №4. С. 88.
- ¹³ Рубцов Ю.В. Генеральская правда. 1941–1945. М., 2012. С. 23–24.
- ¹⁴ 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 476–479.
- ¹⁵ Рубцов Ю.В. Указ. соч. С. 335.
- ¹⁶ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 58.
- ¹⁷ Цит. по: Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 198.